

Брачность в Ингушетии: межпоколенческие изменения и их возможные причины

Константин И. Казенин¹

1 РАНХиГС, Москва, 119571, Россия

Получено 21 October 2019 ♦ Принято в печать 12 December 2019 ♦ Опубликовано 30 December 2019

Цитирование: Kazenin K (2019) Marriage in Ingushetia: intergenerational changes and their possible causes. Population and Economics 3(4): 45–46. <https://doi.org/10.3897/pepecon.3.e49763>

Аннотация

В статье рассматривается брачность в Ингушетии в постсоветский период на примере реальных когорт по годам рождения. Анализируются результаты количественного опроса женщин 16–44 лет, проведенного в Ингушетии в 2019 г. Для анализа используются модели пропорциональных рисков, а также логистические регрессии для вероятности вступления женщины в первый брак к разным возрастам. Анализ показал, что среди жительниц Ингушетии, чей брачно-репродуктивный возраст пришелся на 1990–2010-е гг., вероятность вступления в брак (как в течение всей прожитой части репродуктивного периода, так и к конкретным возрастам) выше для более молодых поколений. Эта тенденция мало согласуется с общероссийской картиной. Рассматриваются различные объяснения обнаруженных особенностей динамики брачности в Ингушетии. Выдвигается ряд соображений в пользу того, что подъем брачности в этой республике начался после постепенного улучшения военно-политической и социальной ситуации по окончании активной фазы вооруженного противостояния в соседней Чечне.

Ключевые слова

брачность; возраст вступления в брак; второй демографический переход.

Коды JEL: J10, J12

Введение

Изменения характеристик брачности в постсоветской России в основном соответствовали тем тенденциям, которые наблюдались в то же время или несколько ранее во многих странах Центральной и Восточной Европы. Одна из важнейших составляющих этих изменений заключается в повышении возраста вступления в брак и увеличении распространенности юридически неоформляемых сожительства вместо регистрируемого брака [Захаров, 2018]. Как отмечается в работе «Демографическая модернизация России» [Виш-

невский (ред.), 2006: 96–136], изменения в сфере брачности в постсоветское время особенно примечательны потому, что они последовали за почти столетием стабильности: на протяжении большей части XX в., несмотря на крупнейшие социальные потрясения, в России сохранялись практически в «нетронутом» виде такие характеристики брачности, как довольно низкий средний возраст женщины при вступлении в первый брак и малая доля женщин, ни разу не состоявших в браке на протяжении всего репродуктивного периода.

Возможны разные объяснения причин наступивших в постсоветское время изменений характеристик брачности. Некоторые видят в них следствие экономических трудностей, которые заставляли молодых людей откладывать создание полноценной семьи до более старших возрастов [Perelli-Harris, Gerber, 2011]. Альтернативой могут служить «ценностные» объяснения, такие как ослабление гендерных противопоставлений, в целом сохранявшихся при советской «консервативной модернизации» [Вишневикий, 1998], отказ от представлений об «обязательности» для женщины вступления в брак и рождения ребенка к определенному возрасту и т.д. Такая точка зрения сближает наблюдаемые в России изменения с вторым демографическим переходом, комплексной демографической трансформацией, затронувшей европейские страны в 1960–1990 гг. и состоявшей в существенном сокращении рождаемости, росте доли нерегистрируемых партнерств и внебрачных рождений, увеличении возраста женщины при вступлении в брак и рождении первого ребенка. Эти демографические изменения стандартно объясняют сдвигом ценностных ориентиров, начавшимся в 1960-е гг. в западноевропейских обществах, а позднее распространившихся на Южную, Центральную, а затем и Восточную Европу [Sobotka, 2008; Lesthaeghe, 2010].

Для оценки разных подходов к объяснению изменений в сфере брачности в постсоветской России особый интерес представляет исследование регионов, в которых постсоветская «либерализация» семейной сферы была выражена не столь явно. К таким регионам относятся в первую очередь республики северо-восточного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Чечня). Наблюдения за постсоветским северо-восточным Кавказом показывают, что социальный уклад данного региона в это время вовсе не был статичным: на фоне заметных экономических изменений, массового переселения в города, оттока части населения в другие регионы страны, длительного противостояния между силовыми структурами и незаконными вооруженными формированиями многие изменения происходили и в сфере семейных практик, распределения гендерных ролей, отношений между старшими и младшими поколениями и т.д. [Карпов, Капустина, 2011; Стародубровская, 2012]. В целом можно сказать, что традиционные требования подчинения младших старшим, зависимого положения женщины в семье и т.д. за постсоветский период на северо-восточном Кавказе ослабевали. И все же по сравнению с большинством других регионов России эта часть страны по-прежнему отличается более жесткими семейными нормами, с которыми приходится считаться молодым людям при принятии ключевых жизненных решений, включая решение о создании семьи, рождении ребенка и т.д. Это влияет и на типовые жизненные траектории северокавказской молодежи, делая их отличными от общероссийских [Митрофанова, 2019]. Можно сказать, что «ценностная» база, необходимая для реализации второго демографического перехода, на Северном Кавказе присутствует в гораздо меньшей степени, чем в России в целом.

В этом свете весьма актуален вопрос о том, как в постсоветское время на северо-восточном Кавказе менялись характеристики брачности, такие как средний возраст женщины при вступлении в брак и процент женщин, вступивших в брак к определенному возрасту. Если в стране в целом в качестве основного фактора, сдвигающего вступление женщин в брак к более поздним возрастам, рассматривать изменения в семейном укладе и ценностях, на которых он основан, то на северо-восточном Кавказе изменений брачного поведения, подобных по масштабам общероссийским, ждать не следует. Если же откладывание вступления в брак связано с социально-экономическими трудностями,

то и в этой части страны можно предположить заметное увеличение возраста женщины при вступлении в брак, поскольку в 1990–2000-е гг. Дагестан, Ингушетия, Чечня столкнулись не только с очень заметным падением уровня жизни, но и существенными (хотя и не одинаковыми в разных регионах и разные годы) проблемами с безопасностью из-за войны и террористической активности, с ощутимым для каждого рядового жителя ослаблением государственных институтов. В этих условиях молодые люди могли откладывать вступление в брак до установления более стабильных условий жизни.

К сожалению, официальные статистические данные не позволяют с необходимой точностью ответить на вопрос о том, как менялось брачное поведение населения северо-восточного Кавказа в постсоветские годы. Это связано и с неполнотой разработки данных о брачности в текущей статистике (общая для страны проблема), и с особыми вопросами о надежности официальных данных учета населения на Северном Кавказе [Андреев, 2012]. Поэтому едва ли не единственной возможностью для исследования динамики брачности в республиках северо-восточного Кавказа являются выборочные количественные опросы населения. На таком опросе основано и представленное в настоящей статье исследование. Оно ограничено Республикой Ингушетия и анализирует данные проведенного в 2019 г. опроса 860 женщин в возрасте от 16 до 45 лет, проживающих в этой республике.

Цель исследования, данные и метод

В фокусе нашего внимания находились не абсолютные значения параметров брачности, а направление их изменений в Ингушетии в постсоветское время. Исследовательскими вопросами были следующие:

- каковы различия по уровню и возрастным характеристикам брачности поколений женщин Ингушетии, находящихся сейчас в репродуктивном возрасте;
- какие социально-экономические и социокультурные факторы значимы для вероятности вступления женщины в брак и возраста ее вступления в брак в этих поколениях?

Как видно из формулировок вопросов, брачность рассматривалась нами в разрезе реальных поколений женщин. Такой подход оправдан прежде всего в силу нестабильности социально-политической ситуации в Ингушетии в последние десятилетия (см. раздел «Обсуждение результатов»). Следствием этой нестабильности были значительные различия между поколениями по условиям, в которых они входили во взрослую жизнь и в которых им приходилось, в частности, принимать решения о создании семьи. С нашей точки зрения, это делает наиболее осмысленными именно межпоколенческие, а не межпериодные сопоставления по параметрам брачности и факторам, на нее влияющим.

При этом доступные нам данные официальной статистики не позволяли сопоставлять поколения по долям женщин с разным брачным состоянием к разным возрастам. Единственным релевантным источником официальных данных нам служили результаты Всероссийских переписей населения (ВПН) 2002 и 2010 г., которые содержат только информацию о брачном состоянии женщин по возрастным группам на момент переписи. Именно поэтому выборочный опрос был единственным способом полноценного межпоколенческого сопоставления.

Телефонный опрос был проведен в мае 2019 г. Им были охвачены женщины, которым на момент опроса было 16–45 лет. Первоначально возрастные пределы для респондентов опроса были установлены как 15–44 года (т.е. от возрастной группы 15–19 до возрастной группы 40–44). Однако девушки 15 лет оказались практически недоступными для телефонных интервью. При этом в результате ошибок интервьюеров было сделано 11 интервью женщин 45 лет, которые решено было включить в финальную выборку.

Всего в результате опроса были получены интервью с 836 женщинами (общее число отказов женщин данного возраста от интервью и незаконченных интервью состави-

ло 3052). При анализе данных опроса мы сопоставляли поколения по годам рождения со следующим разбиением на «пятилетки»: 1973–1977, 1978–1982, 1983–1987, 1988–1992, 1993–1997, 1998–2002 гг. Выбор указанного разбиения на пятилетние когорты был связан с тем, что из всех вариантов разбиения, охватывавших года рождения большинства респондентов, этот вариант давал наименьшие различия по количеству респондентов между когортами.

В ходе интервью женщинам задавались несколько блоков вопросов:

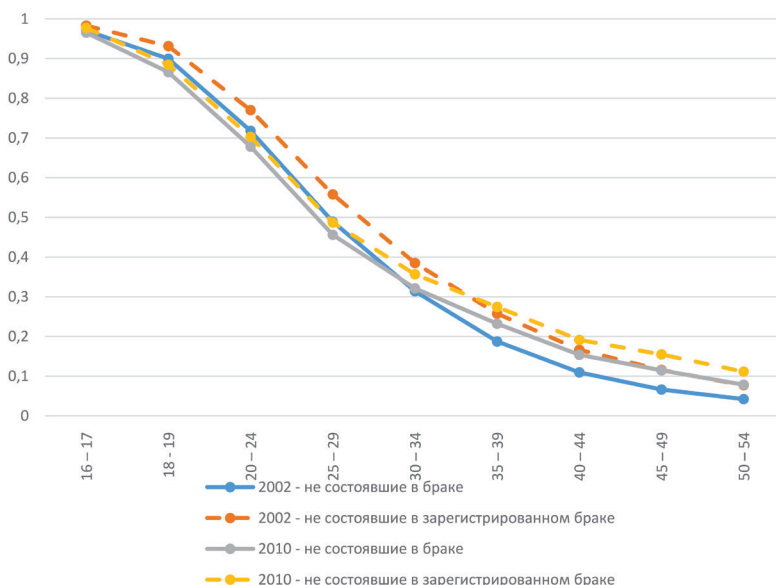
1. Вопросы о жизненном пути женщины. Они касались даты и места рождения, времени и места получения образования, миграционной истории, семейного положения, возраста вступления в первый брак, количества детей, пола каждого ребенка и даты его рождения, работы, материального положения и др.
2. Вопросы, касающиеся поколенческих и гендерных отношений в семье женщины. Выбор таких вопросов в основном базировался на понятии «патриархального» уклада семьи [Gruber, Szoftysek, 2012; Lerch, 2013]. Задавались, в частности, вопросы о том, самостоятельно ли женщина принимала решение о вступлении в брак или ее брак был организован старшими родственниками, работала ли и училась ли она после заключения брака, может ли она принимать различные жизненные решения (о крупных покупках, выходе на новую работу, переезде в другой регион и т.д.) без одобрения старших родственников и т.д. Включение таких вопросов в анкету было связано с тем, что для ряда постсоветских обществ в имеющихся исследованиях была показана значимая связь возрастных параметров брачно-репродуктивного поведения с действием в семье женщины поколенческих и гендерных иерархий [Dommaraju, Agadjanian, 2008].
3. Вопросы о личной религиозности женщины. Вопросы касались совершения женщиной обязательной для мусульман ежедневной пятикратной молитвы (намаза), соблюдения мусульманского поста (уразы), а также того, считает ли женщина важным дать детям религиозное воспитание. Включение этих вопросов объяснялось тем, что для целого ряда стран и регионов, особенно тех, где преобладает мусульманское население, была обнаружена значимая связь личной религиозности женщины с различными параметрами ее брачно-репродуктивного поведения [Казенин, Козлов, 2017а].

Брачность в постсоветской Ингушетии: краткий обзор официальных данных

Данные ВПН 2002 и 2010 г. позволяют вычислить доли женщин с разным брачным состоянием по возрасту на момент переписи. На рис. 1 показаны доли никогда не состоявших в браке, а также (пунктирными линиями) доли никогда не состоявших в зарегистрированном браке по возрастным группам для двух переписей.

Число не состоявших в зарегистрированном браке определялось как сумма тех женщин, которые заявили на переписи, что никогда не состояли в браке, и тех, которые заявили, что состоят в незарегистрированном браке. Тем самым мы исходим из допущения, что для всех женщин, на момент переписи состоявших в незарегистрированном браке, этот брак был первый (а если второй – то и первый брак не был зарегистрирован). Данные переписей не позволяют проверить это допущение. Однако с учетом малого распространения вторых браков в Ингушетии, на которое указывают наши полевые наблюдения (сравните также низкий уровень разводимости по данным нашего опроса – см. раздел «Результаты опроса»), не ожидается, что такое допущение может привести к значительным искажениям.

Можно видеть, что данные обеих переписей указывают на достаточно позднюю возрастную модель брачности: доля вступивших в брак достигает половины только в возрастном промежутке 25–29 лет. При этом в возрастах до 30 лет доля не вступивших в брак, согласно ВПН 2010 г., была несколько ниже, чем согласно ВПН 2002 г., а в старших возрастах, наоборот, расчеты на основе ВПН 2010 г. указывают на более высокую долю не вступивших в брак по сравнению с ВПН 2002 г. Кроме того, по данным ВПН 2002 г., разрыв между долями никогда не состоявших в браке и никогда не состоявших в зарегистрированном браке был больше, чем по данным ВПН 2010 г. Учитывая, что незарегистрированные браки в Ингушетии – это преимущественно браки, скрепленные только по мусульманскому обряду, различия можно интерпретировать как нарастающую к ВПН 2010 г. тенденцию к государственной регистрации религиозных браков.

Рис. 1. Доли женщин, никогда не состоявших в браке и никогда не состоявших в зарегистрированном браке, в Ингушетии, 2002 и 2010 г. *Источник:* рассчитано автором по данным ВПН 2002 и 2010 г.

Поздней возрастной модели брачности соответствуют и значения расчетного среднего возраста вступления в брак (*Singulate Mean Age at Marriage, SMAM*) [Hajnal, 1953]. Этот показатель, рассчитанный по данным ВПН 2002 г., составил для женщин 26,06 лет, а по данным ВПН 2010 г. – 25,10 лет. Хотя снижение этого возрастного показателя на год менее чем за десятилетие может рассматриваться как свидетельство быстрого омоложения брачности, в 2010 г. *SMAM* для женщин в Ингушетии оставался, как и в 2002 г., более чем на два года выше общероссийского.

Следует особо подчеркнуть, что к приведенным данным приходится относиться с большой осторожностью из-за упомянутых выше проблем с официальной статистикой населения на Северном Кавказе. В частности, мы не можем установить, какое влияние на обсуждаемые в этом разделе индикаторы брачности оказал переучет населения Ингушетии во время переписей. Такое влияние могло быть существенным в случае, если женщины, «добавляемые» к переписному учету сверх реально переписанных, большей частью были специфицированы как не состоящие в браке. Проверить это, однако, мы не можем, а потому невозможно и определить, в какой мере поздняя возрастная модель брачности, за-

фиксированная переписями, соответствует реальности, а в какой мере она является артефактом статистики.

Результаты опроса: дескриптивные характеристики брачности

Замужем на момент опроса было 59,3% опрошенных, никогда не бывших замужем – 33,1%, разведенных – 5,1%, вдов – 2,5%. У 93,3% состоящих на момент в браке это был их первый брак. Опрос показал, что рождаемость вне брака в постсоветской Ингушетии если и существует, то имеет минимальные масштабы. Среди опрошенных женщин, имеющих детей, не было ни одной, которая бы никогда не состояла в браке.

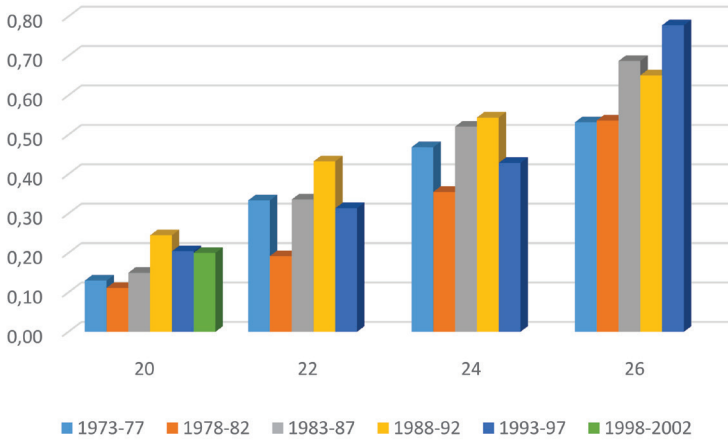
При этом государственная регистрация брака (в отличие от его оформления по нормам ислама и отправления местных свадебных обычаев) была сделана не у всех опрошенных. Из всех, состоявших в браке на момент опроса, брак не был зарегистрирован в органах ЗАГС у 15,9%. Одновременно со свадьбой свой брак зарегистрировали 13,4%, зарегистрировали его с рождением первого ребенка 31,7%, в другое время – 54,9%. Доля респондентов, у которых указанная ими дата рождения первого ребенка находилась раньше по времени, чем дата вступления в первый брак, или позже даты вступления в первый брак менее чем на 7 месяцев, составляла 6,0% от всех опрошенных. Относительно этой группы можно предполагать, что при ответе на вопрос о времени вступления в первый брак женщина ошибочно назвала дату второго брака (о которой респондентов отдельно не спрашивали), при этом первого ребенка она родила в первом браке. Также более ранняя дата рождения первого ребенка по сравнению с временем вступления в брак могла возникать из-за того, что при ответе на вопрос о времени вступления в брак женщина назвала дату регистрации брака вместо даты фактического его заключения, хотя о дате регистрации брака женщин спрашивали отдельно наряду с датой свадьбы. Учитывая возможность таких ошибок, при анализе брачности мы не учитывали женщин, у которых дата рождения первого ребенка предшествовала дате заключения первого брака или была позже даты заключения первого брака менее, чем на 7 месяцев.

На рисунке 2 показаны доли женщин, вступивших в брак к различным возрастным точкам, по годам рождения, а в табл. 1 – распределение женщин по ответу на вопрос о состоянии в браке по поколениям. Рисунок показывает, что спада брачной активности от более старших к более младшим поколениям женщин в возрасте до 26 лет не было. Напротив, у женщин 1983-1992 годов доля вступивших в первый брак к тому или иному возрасту регулярно выше, чем у более старших поколений. Как свидетельство уменьшения брачной активности к более молодым поколениям, можно рассматривать только более низкую долю вступивших в брак к 22 и 24 годам среди женщин 1993–1997 годов рождения по сравнению с предшествующими поколениями (возрастной рубеж в 26 лет прошла на момент опроса только малая часть этих женщин).

Таблица 1. Распределение респондентов по состоянию в браке, по годам рождения

Периоды	Не замужем и никогда не была замужем, %	Замужем, %	Разведена, %	Вдова, %	Число наблюдений
1973–1977	14,1	72,9	5,9	7,1	85
1978–1982	7,6	76,6	9,0	6,9	145
1983–1987	15,9	74,1	8,8	1,2	170
1988–1992	24,6	69,6	4,7	1,2	171
1993–1997	47,4	49,4	3,2	0,0	154
1998–2002	84,6	12,8	2,6	0,0	117

Источник: рассчитано автором по данным опроса

Рис. 2. Доли женщин, впервые вышедших замуж до 20, 22, 24 и 26 лет, по поколениям. *Источник:* рассчитано автором по данным опроса

Статистический анализ

Для статистического анализа были применены следующие методы. Во-первых, были построены модели пропорциональных рисков для вступления женщины в первый брак. Они позволяли сопоставить общий уровень брачной «активности» для разных поколений и выявить факторы, повышающие или понижающие шансы вступления женщины в брак в возрастном промежутке от 15 лет до момента опроса (поскольку вступление в первый брак – однократное событие, при моделировании имело место правостороннее цензурирование). Во-вторых, с помощью логистических регрессий были исследованы шансы вступления в первый брак к определенным возрастам – 20, 22, 24 и 26 годам. Исследование этих возрастных «точек» было оправдано сделанными выше дескриптивными наблюдениями о межпоколенческих различиях по доле вступивших в брак к указанным возрастам, а также позволяло проверить результаты анализа, проведенного с помощью моделей пропорциональных рисков, относительно факторов, влияющих на шансы вступления в брак. По сравнению с моделями пропорциональных рисков анализ по возрастным «точкам» был более ограничен в обобщениях, поскольку касался шансов вступления в брак только до определенного возраста. Однако именно такие модели позволяли выявить межпоколенческие различия по возрастным характеристикам брачности.

В качестве контрольных параметров в модели вводились следующие параметры:

- городское или сельское проживание;
- образование – дихотомический параметр, различающий женщин с высшим или неоконченным высшим образованием, с одной стороны, и женщин с более низким уровнем образования – с другой;
- наличие у женщины работы на момент опроса;
- проживание женщины в данном населенном пункте с рождения (этот параметр вводился в качестве контрольного в связи с многочисленными примерами влияния миграции на брачность, известными в том числе из исследований населения постсоветских стран [Nedoluzhko, Agadjanian, 2010]).

Необходимо оговорить, что в силу особенностей моделей пропорциональных рисков все включаемые в них независимые параметры либо должны иметь одно значение для всех прожитых женщиной временных интервалов (в нашем случае, человеко-месяцев), включаемых в анализ, либо специфицироваться отдельно для каждого интервала. При этом

работа и уровень образования – это признаки, приобретаемые в ходе жизненного пути, и, строго говоря, рассматривать их значение в качестве постоянного на всем интервале от 15 лет до момента опроса или вступления в первый брак некорректно. Однако, учитывая, что более 90% респондентов, продолжавших образование после окончания школы, начали его получение в возрасте младше 19 лет, можно говорить о том, что факт послешкольного образования – это параметр, единообразно характеризующий почти весь прожитый женщиной репродуктивный период, кроме его самой начальной части. Важно также учитывать, что наличие планов получения образования в ближайшем будущем с большой вероятностью влияет на матримониальное поведение женщины в самом раннем репродуктивном возрасте, снижая вероятность вступления в этом возрасте в брак. Что касается трудовой занятости вне домохозяйства, то ее наличие/отсутствие в разных возрастах с точностью до полных лет установить в ходе опроса не представлялось возможным: пилотный опрос показал, что респондентам затруднительно восстанавливать свою «трудовую биографию» с годовым шагом. Таким образом, характеризовать трудовую занятость женщины через ее наличие/отсутствие на момент опроса, видимо, было единственной возможностью.

Из блока параметров, отражающих гендерные и поколенческие отношения в семье женщины, в модели могли быть включены исключительно параметры, которые определены в том числе и для женщин, никогда не бывших замужем. К таковым относились только параметры, показывающие, требуется ли женщине одобрение старших родственников при принятии тех или иных жизненных решений. Ниже показаны модели только с теми из указанных параметров, которые хотя бы в одной из моделей обнаружили значимую связь с брачностью.

Из блока параметров, характеризующих личную религиозность женщины, значимым в некоторых моделях оказался только параметр, указывающий, совершает ли женщина ежедневную пятикратную молитву. Поэтому ниже приводятся модели только с этим параметром религиозности.

Параметры вводились в модели в разных комбинациях. В таблицах Приложения показаны модели, в которых, помимо контрольных, присутствуют параметры из одного или одновременно из двух блоков.

В таблице 2 приведено распределение по поколениям параметров, включаемых в модели.

Таблица 2. Распределение по поколениям параметров, включаемых в модели

Параметры	1973– 1977	1978– 1982	1983– 1987	1988– 1992	1993– 1997	1998– 2002	Итого
Проживает в городе, %	53,7	49,6	48,1	45,1	49,7	43,1	47,9
Имеет высшее или неоконченное высшее образование, %	37,8	43,8	54,7	60,06	59,7	23,7	48,7
Имеет работу на момент опроса, %	54,9	56,9	38,5	45,8	37,5	16,2	41,2
Живет в данном населенном пункте с рождения, %	50,0	36,6	52,2	56,8	73,1	76,7	57,7
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться, %	45,1	35,1	51,6	53,9	62,1	85,3	55,5
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки	46,8	48,9	51,6	56,6	61,5	87,1	58,7
Совершает положенную для мусульман пятикратную ежедневную молитву, %	96,3	98,5	97,5	97,4	96,5	99,1	97,6

Источник: данные опроса

Анализ подтвердил различия между женщинами разных поколений в аспекте брачности, выявленные дескриптивными методами. Модели пропорциональных рисков (табл. П1.1 в приложении 1) продемонстрировали, что у поколений 1988-1992 и 1993-1997 г.р. шансы вступления в первый брак значимо выше, чем у женщин самого старшего поколения, причем у женщин 1993-1997 г.р. соотношение шансов (Incidence Rates Ratio – IRR) выше, чем у женщин 1988-1992. У поколений 1983-1987 и 1998-2002 г.р. шансы вступления в первый брак также регулярно выше, чем у самого старшего поколения, однако у них это превышение значимо не во всех моделях (у поколения 1998-2002 отсутствие значимости может быть связано с малым числом человеко-месяцев, включенных в анализ). В целом, таким образом, модели пропорциональных рисков указывают на рост уровня брачности от более старших поколений к более младшим.

Логистические модели (табл. П1.2–П1.5 в приложении 1) уточнили эту картину. Только у поколения 1988-92 г.р. шансы вступления в брак были значимо выше, чем у женщин 1973-1977 г.р., ко всем возрастным «точкам». Для женщин 1993-1997 годов рождения значимое превышение шансов вступить в первый брак по сравнению с самым старшим поколением наблюдалось только к 20 и 26 годам (для 26 лет различия только на 90-процентном уровне значимости: отметим, что доля женщин в этой когорте, которым к моменту опроса исполнилось 26 лет, была невелика). Для женщин 1983-1987 г.р. значимый рост шансов вступления в брак по сравнению с женщинами 1973-1977 г.р. наблюдался только к 26 годам. Наконец, логистические регрессии обнаружили еще одно значимое различие: у женщин 1978-1982 г.р. шансы вступить в первый брак к 22 годам ниже, чем у предшествующего поколения. Отметим, что это единственный обнаруженный случай значимого снижения шансов вступить в первый брак по сравнению с самым старшим поколением респондентов.

Результаты анализа с помощью логистических регрессий обобщены в табл. 3. В ней показаны пятилетние периоды, в течение которых когорты достигали возрастов, шансы вступления в первый брак к которым были предметом анализа. Зеленым выделены периоды, когда поколение проходило возрастную точку, к которой шансы вступить в первый брак у этого поколения были значимо выше, чем у поколения 1973–1977 годов рождения, а красным – периоды, когда поколение проходило возрастную точку, по шансам вступить в брак до которой оно значимо отставало от поколения 1973–1977 годов рождения. Можно констатировать, что статистически значимое увеличение по сравнению с когортой 1973–1977 годов рождения шансов вступить в первый брак к тому или иному возрасту наблюдалось у когорт, достигавших этого возраста не ранее 2008 г. Этот год можно считать началом «подъема» брачности в регионе.

Таблица 3. Годы достижения различных возрастов исследуемыми когортами

Периоды	Возраст			
	20	22	24	26
1973–1977	1993–1997	1995–1999	1997–2001	1999–2003
1978–1982	1998–2002	2000–2004	2002–2006	2004–2008
1983–1987	2003–2007	2005–2009	2007–2011	2009–2013
1988–1992	2008–2012	2010–2014	2012–2016	2014–2018
1993–1997	2013–2017	2015–2019	2017–2019	2019

Источник: оценки автора по данным опроса

Во всех моделях шансы вступления в брак были значимы и почти в полтора раза ниже у женщин, имеющих высшее или неоконченное высшее образование. Параметр наличия

у женщины работы на момент опроса, напротив, нигде не оказался значимым. Также не оказалось значимым различие между сельскими и городскими женщинами. У женщин, совершивших в течение своей биографии переезд из одного населенного пункта в другой, шансы вступить в брак оказались выше, чем у женщин, живших в одном и том же населенном пункте с рождения (для вступления в брак к определенным возрастам это различие, однако, не оказалось значимым). Параметры, с помощью которых мы оценивали зависимость женщины от родственников старшего поколения, неожиданно оказали значимое понижающее влияние на шансы вступления в брак (в логистических регрессиях значимость мог сохранять только какой-то один из этих параметров). Наконец, значимо выше в модели пропорциональных рисков и в логистической регрессии для вступления в брак к 22 годам оказались шансы вступления в брак у женщин, сообщивших, что совершают положенную для мусульман ежедневную пятикратную молитву. Однако с учетом того, что доля таких женщин во всех поколениях превышала 95% (см. табл. 2), к последнему результату следует относиться с большой осторожностью.

Обсуждение результатов

Подъем брачности, зафиксированный нашими моделями у женщин 1983–1997 годов рождений по сравнению с предшествующими поколениями, никак не согласуется с предположением о том, что изменения в сфере брачности в постсоветской Ингушетии вписывались в концепцию второго демографического перехода. При этом, как нам представляется, объяснений у обнаруженного подъема брачности может быть, как минимум, два.

Одно объяснение состоит в том, что у включенных в нашу выборку женщин, родившихся ранее 1983 г., начало брачно-репродуктивного периода совпало с наиболее трудной социальной и военно-политической ситуацией в Республике Ингушетия. В рамках этого объяснения подъем брачности у последующих поколений необходимо связать с последующим улучшением положения в регионе, с ослаблением тех факторов, которые заставляли откладывать заключение браков. Как мы отметили выше, стартовым для подъема брачности к рассмотренным нами возрастным точкам был 2008 г. Этот год вряд ли можно считать годом коренного успокоения ситуации в регионе. Достаточно сказать, что, по данным Правозащитного центра «Мемориал», в тот год в регионе был совершен 61 теракт. В терактах погибло не менее 20 мирных жителей, 46 было ранено. Более 70 сотрудников правоохранительных органов погибли в результате нападений боевиков. Однако, можно сказать, что факторы максимальной нестабильности, наблюдавшиеся в регионе в первой половине 2000-х гг., к 2008 г. были выражены не столь ярко. Прежде всего, это было связано с окончанием активной фазы вооруженного противостояния в соседней Чечне. В первой половине 2000-х гг. война в Чечне обернулась для Ингушетии потоками вынужденных переселенцев, чье общее количество было сопоставимо с постоянным населением региона и заметно осложнило социальную ситуацию в республике. Кроме того, имелись высокие риски вылазок на территорию Ингушетии боевиков из Чечни, самая масштабная и кровавая из которых произошла в июне 2004 г. Наконец, увеличению напряженности в Ингушетии способствовал совершенный в сентябре 2004 г. теракт в североосетинском Беслане. То, что крайне сложная ситуация в регионе в первой половине 2000-х гг. могла вести к откладыванию браков, подтверждается и резким снижением шансов вступления в брак к 22 годам у женщин 1978–1988 годов рождения по сравнению с более старшей возрастной группой. Как видно из табл. 3, возраста 22 лет эти женщины достигали как раз в 2000–2004 гг. Отметим также, что откладывание браков в условиях вооруженного противостояния – явление, известное в других частях постсоветского пространства. Так, в работе Д. Клиффорда и соавторов [Clifford et al., 2010] показано, что оно

имело место в период гражданской войны в Таджикистане, где также наблюдалась активизация брачности по мере урегулирования конфликта.

Здесь можно добавить, что, помимо улучшения оперативной обстановки, в Ингушетии примерно с середины 2000-х гг. постепенно менялась и социальная инфраструктура, что выразилось в строительстве многочисленных социальных объектов, росте вводимых площадей жилья в многоквартирных домах, масштабном дорожном строительстве. Однако, для того чтобы обсуждать, могли ли эти фиксируемые официальной статистикой процессы влиять на брачно-репродуктивное поведение, необходимо определить, насколько они отразились на оценке жителями республики своих жизненных условий. Опросными данными на этот счет мы не располагаем. Судя по тому, что масштабные протестные выступления в Ингушетии осенью 2018 – весной 2019 г. носили в том числе антикоррупционный характер, и их участниками невысоко оценивались происходящие в социальной сфере республики перемены [Стародубровская, Казенин, 2019], можно предполагать, что эффективность проводимой в республике социально-экономической политики не всеми жителями оценивается высоко.

Динамика основных экономических показателей по Ингушетии также едва ли может служить надежным индикатором происходящих в регионе перемен вследствие большой доли экономической деятельности, не отражаемой официальной статистикой (что является общей проблемой для Северного Кавказа [Зубаревич, 2011]). По этой же причине с трудом поддается оценке доля женщин, участвующих в рабочей силе в регионе.

Другое возможное объяснение различий когорт по шансам вступления в брак – это повышение уровня брачности после начала выплат материнского капитала в 2007 г. В Ингушетии, где внебрачная рождаемость, как мы видели, практически отсутствует, влияние этой меры на брачность могло быть более заметным, чем по стране в целом. Однако есть несколько доводов против того, чтобы считать материнский капитал основным фактором, «развернувшим вверх» брачность в регионе.

Во-первых, если рост брачности был бы связан с желанием быстрее создать семью и получить материнский капитал при рождении второго ребенка, можно было бы ожидать, что шансы вступления в брак значимо выше у женщин, чей уровень материального благосостояния низок и у кого, соответственно, предполагается наиболее высокий «спрос» на материнский капитал. Наш анализ, однако, не дает оснований говорить о такой закономерности. Так, введение в модели параметров, отражающих оценку женщинами своего благосостояния (соответствующие модели здесь не показаны) не обнаружило их значимости для шансов вступления в брак. Видимо, к этому результату следует относиться осторожно, учитывая обычную в опросах вероятность искажения респондентами данных о своем материальном положении. Однако отсутствие значимой связи между шансами вступить в брак и наличием у женщины постоянной работы (табл. П1.1–П1.5 приложения 1), одного из более «объективных» индикаторов материальной стабильности семьи, также говорит против существенного влияния выплат материнского капитала на брачность.

Во-вторых, если рост брачности имел экономическое объяснение, связанное с востребованностью материнского капитала, то асимметрии между когортами, подобные тем, что мы наблюдаем в Ингушетии, наблюдались бы и в других регионах, близких ей по социально-экономическим показателям. Такое ожидание тем более было бы обосновано для регионов, где, как и в Ингушетии, низок уровень внебрачной рождаемости. В качестве примера такого региона может рассматриваться, в частности, Карачаево-Черкесия. Однако анализ данных аналогичного опроса женщин тех же возрастов в КЧР [Казенин, 2019] показал, что там имело место планомерное снижение брачности от более старших поколений к более младшим.

Кроме того, из рассматриваемого объяснения межпоколенческих асимметрий по шансам вступления в брак в Ингушетии, основанного на факторе материнского капитала,

никак не следует снижение этих шансов к 22 годам у женщин 1978–1982 годов рождения. Предположение же об откладывании браков из-за обстановки в регионе объясняет и эту асимметрию в числе других обнаруженных в ходе анализа.

Таким образом, из двух предложенных объяснений подъема брачности к более младшим поколениям более состоятельным представляется то, которое видит в этом росте аналог послевоенного «восстановления». Это, разумеется, не означает, что введение материнского капитала не внесли никакого вклада в рост брачности в регионе.

Коротко прокомментируем результаты моделирования для параметров, которые вводились в модели наряду с переменной когортной принадлежности.

Незначимость параметра городского/сельского проживания представляет интерес потому, что в России в целом текущие характеристики брачности, включая возраст вступления женщины в брак, достаточно заметно различаются для города и села [Захаров, 2018]. Отсутствие таких различий в Ингушетии не представляется, однако, неожиданным на фоне того, что социальные различия между городом и селом в этом регионе выражены слабее, чем в большинстве других субъектов РФ, включая северокавказские. Хотя эта тема еще ждет отдельного исследования, наши полевые наблюдения позволяют предварительно выделить несколько факторов, снижающих уровень контрастов между городом и селом в Ингушетии. Во-первых, это сходство характера расселения в городах и на селе, поскольку более половины площади городов занимают объекты индивидуального жилищного строительства, мало отличимые от сельских. Во-вторых, в городах в значительной мере сохраняются многие неформальные институты социальной самоорганизации, характерные для села, в частности, родовой (тейповой) самоорганизации. Снижение роли тейпов, некоторые признаки которого усматриваются в сегодняшней Ингушетии, не является исключительно или даже преимущественного «городским» процессом [Стародубровская, Казенин, 2019].

Отрицательная связь образования и брачности соответствует стандартным ожиданиям откладывания брака при получении высшего образования. Отсутствие связи между шансами вступления в брак и наличием работы на момент опроса, возможно, подтверждает, что текущее положение женщины на рынке труда мало связано с таковым на момент вступления в брак. В моделях, обнаруживших положительную связь шансов вступления в брак с фактом миграции женщины (ее проживания на момент опроса не в том населенном пункте, в котором она родилась), отдельного рассмотрения требует вопрос о возможной обратной причинности (*reversed causality*), поскольку вероятно, что большая часть женщин, совершивших миграцию, сменили место жительства именно при вступлении в брак. Сложным является вопрос о значимой отрицательной связи между шансами вступления в брак и параметрами, показывающими зависимость женщины от старших родственников при принятии различных решений. Положительная связь между индикатором религиозности женщины (совершением ежедневной пятикратной молитвы) и шансами вступления в брак согласуется с результатами анализа аналогичных опросов в других регионах Северного Кавказа, согласно которым личная религиозность женщины способствует более «ранним» возрастным моделям брачно-репродуктивного поведения [Казенин, Козлов, 2017а]. Напомним, однако, что доля респондентов, заявивших, что не делают намаз, была менее 5%. Возможно, опросом удалось зафиксировать наличие в регионе некоего нерелигиозного «меньшинства», явно отличающегося от остальных жителей и по параметрам брачности. Однако для проверки такого предположения требуется качественное или более масштабное количественное исследование.

Вопросы для дальнейшего исследования можно условно разделить на те, которые относятся к демографическим процессам внутри Ингушетии, и те, которые ставят эти процессы в контекст демографических изменений, наблюдаемых в других частях постсоветского пространства.

Существенный «внутрирегиональный» вопрос состоит в том, ведут ли различия между когортами по шансам вступления в брак к различиям по распространенности в них окончательного безбрачия. Поскольку все женщины, охваченные опросом, не достигли на его момент 50 лет, непосредственно наблюдать возможные различия между когортами по окончательному безбрачию опрос не позволяет. Возрастная структура выборки не позволила также получить какие-либо статистически значимые результаты по шансам вступления в брак к возрастам, после которых заключение первого брака маловероятно (например, к 40 годам). Возможно, для исследования этого вопроса потребуется исследование, включающее женщин более старших возрастов.

Также для понимания демографической динамики Ингушетии важно установить, имеются ли у роста брачности молодых когорт какие-либо собственные причины, не связанные с ослаблением факторов, ограничивавших брачность более ранних возрастов. Если относительно низкая брачность у старших когорт связана со сложной военно-политической ситуацией в регионе, то рост шансов вступления в брак у более молодого поколения может рассматриваться как «техническое» возвращение к прежним уровням брачности, но может быть и вызван какими-либо жизненными условиями, ценностными ориентирами и т.д. молодых когорт. Скорее всего, выбор какой-либо из этих альтернатив в качестве единственно верной невозможен. Однако было бы важно оценить, повторяют ли более молодые поколения наших респондентов возрастные характеристики брачности, которые наблюдались у поколений ингушских женщин, вступивших в репродуктивный возраст в довоенный или поздний советский период. Это покажет, в какой мере нынешнее омоложение брачности можно объяснить возвратом к ее «довоенным» характеристикам. Ответ на этот вопрос также требует расширенного обследования старших когорт, включая в этом случае и закончивших репродуктивный период.

Наконец, важный для понимания внутрирегиональных демографических процессов вопрос состоит в том, как и под действием каких факторов меняется матримониальное поведение поколения 1993–1997 годов рождения по сравнению с более старшими поколениями. По шансам вступить в брак к 22 и 24 годам оно, в отличие от поколения 1988–1992 годов рождения, не показывает значимого превышения над поколением 1973–1977 годов рождения. Означает ли это, что тенденция к откладыванию брака вновь проявляется вслед за его послевоенным омоложением, «встраивая» Ингушетию в общероссийский тренд? Для ответа на этот вопрос наблюдения должны быть продолжены в последующие годы.

Если же рассматривать наши наблюдения в общем «постсоветском» контексте, то Ингушетия представляет интерес как один из регионов, не вписывающихся в тренд повышения возраста женщины при вступлении в брак, который доминирует на сегодня в России [Захаров, 2018] и в ряде других постсоветских стран. Наше межкогортное сопоставление показало, по существу, противоположную динамику, поскольку шансы вступить в брак к определенным возрастам у младших когорт повышались. Предварительные наблюдения показывают, что Ингушетия в этом отношении не уникальна. В работе К. Казенина и В. Козлова [2017б] демонстрируется, что отсутствие повышения возраста вступления женщин в первый брак характерно для постсоветского Дагестана. Для некоторых этносов Средней Азии «омолаживающая» динамика возраста женщины при наступлении ряда демографических событий, прежде всего, при рождении первого ребенка, обсуждается в работе В. Агаджаняна и соавторов [Agadjanian et al., 2013]. В работе К. Казенина и В. Козлова [Kazenin, Kozlov, 2019] аналогичный вывод на основе анализа репрезентативных опросов 2010-х гг. (Demography and Health Survey, Mixed Indicators Cluster Survey) делается для коренных этносов Киргизии. Являются ли эти факты отражением некой единой тенденции, «сопротивляющейся» смещению брачности и рождаемости к более старшим возрастам, и является ли случайным, что такие факты на постсоветском пространстве фиксируются пока почти исключительно среди мусульманского населения?

Ответы на такие вопросы потребуют анализа значительно более широкого эмпирического материала.

Выводы

В статье были проанализированы результаты опроса женщин репродуктивного возраста, проведенного в 2019 г. в Республике Ингушетия. Анализ касался возрастных характеристик брачности. Мы видели, что в данном регионе, в отличие от страны в целом, в постсоветский период не наблюдалось «сдвига» вступления женщин в первый брак к более старшим возрастам. В модель Второго демографического перехода, дискуссионной для брачности в России в целом, изменения брачного поведения в постсоветской Ингушетии определенно не вписываются.

Нами был выдвинут ряд соображений за то, что подъем брачности в этой республике начался после постепенного улучшения военно-политической и социальной ситуации в ней по окончании активной фазы вооруженного противостояния в соседней Чечне. Такое объяснение, однако, само по себе ставит ряд существенных дальнейших вопросов, которые еще требуют исследования.

Литература

- Андреев Е.М. 2012. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики: 11: 21–35.
- Вишневский А.Г. (ред.) 1900–2000. Демографическая модернизация России. М.: Новое издательство, 2006. 601 с.
- Вишневский А.Г. 1998. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: О.Г.И. 432 с.
- Захаров С.В. 2018. Брачная структура населения, заключение и прекращение браков в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г. / Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / Под ред. С.В. Захарова. М.: Издательский дом ВШЭ. С. 99–159.
- Зубаревич Н.В. 2011. Социально-экономическое развитие республик Северного Кавказа: количественные оценки // Северный Кавказ: модернизационный вызов / Под ред. И.В. Стародубровской. М.: Издательский дом «Дело». С. 11–34.
- Казенин К.И. 2019. Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии // Демографическое обозрение: 3: 98–127.
- Казенин К.И., Козлов В.А. 2017а. Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение: 1: 46–58.
- Казенин К.И., Козлов В.А. 2017б. Особенности брачно-репродуктивного поведения населения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН: 2: 65–81.
- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. 2011. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века. СПб.: Петербургское востоковедение. 586 с.
- Митрофанова Е.С. 2019. Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной // Журнал исследований социальной политики: 17(1): 133–141.
- Стародубровская И.В. 2019. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики: 17(1): 39–56.
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. 2019. Граница времен. Как протесты меняют ингушское общество // Polit.Ru, 28.03. <https://polit.ru/article/2019/03/28/ingushetia/>

- Agadjanian V., Dommaraju P., Nedoluzhko L. 2013. Economic fortunes, ethnic divides, and marriage and fertility in Central Asia: Kazakhstan and Kyrgyzstan compared // *Journal of Population Research*: 30(3): 197–211.
- Clifford D., Fulkingham J., Hinde A. 2010. Through civil war, food crisis and drought: trends in nuptiality and fertility in post-Soviet Tajikistan // *European Journal of Population*: 26(3): 325–350.
- Dommaraju P., Agadjanian V. 2008. Nuptiality in Soviet and post-Soviet Central Asia // *Asian Population Studies*: 4(2): 195–213.
- Gruber S., Szoltysek M. 2012. Quantifying Patriarchy: An Explorative Comparison of Two Joint Family Societies // *Max Planck Institute for Demographic Research Working Paper* 2012-017.
- Hajnal J. 1953. Age at Marriage and Proportions Marrying // *Journal of Population Studies*: 7: 115–136.
- Kazenin K., Kozlov V. 2019. Post-Soviet countries not experiencing fertility postponement: does religious affiliation matter? In prep.
- Lerch M. 2013. Patriarchy and fertility in Albania // *Demographic Research*: 29(6): 133–166.
- Lesthaeghe R. 2010. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and development review*: 36(2): 211–251.
- Nedoluzhko L., Agadjanian V. 2011. Marriage, childbearing, and migration in Kyrgyzstan: exploring interdependencies // *Demographic Research*: 22(7): 159–188.
- Sobotka T. 2008. The diverse face of the Second Demographic Transition in Europe // *Demographic Research*: 19(8): 171–224.
- Perelli-Harris B., Gerber T. 2011. Non-marital child-bearing in Russia: Second demographic transition or pattern of disadvantage // *Demography*: 48(1): 317–342.

Информация об авторе

- Казенин Константин Игоревич, кандидат филологических наук, директор Центра региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: kz@ranepa.ru

Приложение 1

Таблица П1.1. Модели пропорциональных рисков для вступления в первый брак

Параметры	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Год рождения						
1973–1977	1	1	1	1	1	1
1978–1982	1,119	1,043	1,010	1,117	1,009	0,960
1983–1987	1,293*	1,287*	1,225	1,317*	1,268	1,259
1988–1992	1,452**	1,463**	1,454**	1,478**	1,481**	1,490**
1993–1997	1,510**	1,593**	1,650***	1,559**	1,694**	1,758***
1998–2002	1,356	1,454	1,734*	1,360	1,734*	1,828**
Родилась в городе	1,056	1,038	1,152	1,042	1,039	1,113
Имеет высшее или неоконченное высшее образование	0,620***	0,610***	0,606***	0,612***	0,597***	0,590***
Работает на момент опроса	0,795**	0,793**	0,815**	0,805**	0,819**	0,820**
Не живет в данном населенном пункте с рождения		1,317***				1,217**
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться			0,645***		0,641***	0,649***
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки			0,750***		0,754***	0,762**
Совершает положенную для мусульман пятикратную ежедневную молитву				1,907*	1,892*	1,989**
N	778	777	766	777	766	765
-2Log правдоподобия	6043,235	6042,557	5929,500	6041,873	5932,954	5928,820
Хи-квадрат модели	48,729***	57,377***	93,401***	52,875***	97,231***	101,476***

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Таблица П1.2. Логистические регрессии для вступления в первый брак к 20 годам

Параметры	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Год рождения						
1973–1977	1	1	1	1	1	1
1978–1982	0,858	0,867	0,782	0,846	0,771	0,782
1983–1987	1,197	1,197	1,143	1,194	1,130	1,135
1988–1992	2,477**	2,456**	2,527**	2,455**	2,514**	2,497**
1993–1997	2,287**	2,257**	2,425**	2,299**	2,485**	2,396**
1998–2002	2,143	2,152	2,602*	2,085	2,532*	2,585*
Родилась в городе	1,120	1,124	1,123	1,099	1,191	1,195
Имеет высшее или неоконченное высшее образование	0,336***	0,338***	0,336***	0,335***	0,335***	0,338***
Работает на момент опроса	1,041	1,050	1,038	1,050	1,035	1,047
Не живет в данном населенном пункте с рождения		0,972				0,922
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться			0,638**		0,600**	0,598**
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки			0,835		0,837	0,828
Совершает положенную для мусульман пятикратную ежедневную молитву				3,790	4,041	3,947
Константа	0,182	0,200	0,223	0,051	0,060	0,068
N	696	695	685	695	685	684
-2Log правдоподобия	609,270	608,878	591,997	606,545	589,400	588,808

* p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,001.

Таблица П1.3. Логистические регрессии для вступления в первый брак к 22 годам

Параметры	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Год рождения						
1973–1977	1	1	1	1	1	1
1978–1982	0,498**	0,498**	0,432**	0,487**	0,422**	0,423**
1983–1987	1,148	1,448	1,149	1,130	1,121	1,121
1988–1992	2,068**	2,068**	2,110**	2,051**	2,091**	2,087**
1993–1997	1,481	1,481	1,627	1,500	1,642	1,635
Родилась в городе	0,944	0,944	1,044	0,916	1,004	1,005
Имеет высшее или неоконченное высшее образование	0,294***	0,294***	0,284***	0,292***	0,281***	0,282***
Работает на момент опроса	0,925	0,925	0,930	0,934	0,925	0,926
Не живет в данном населенном пункте с рождения		0,998				0,980
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться			0,441**		0,432**	0,432**
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки			0,943		0,946	0,945
Совершает положенную для мусульман пятикратную ежедневную молитву				4,400*	4,947**	4,915**
Константа	0,850	0,852	1,126	0,210	0,256	0,265
N	642	642	631	641	631	631
-2Log правдоподобия	747,983	747,983	718,103	742,451	712,442	712,430

* p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,001.

Таблица П1.4. Логистические регрессии для вступления в первый брак к 24 годам

Параметры	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Год рождения						
1973–1977	1	1	1	1	1	1
1978–1982	0,712	0,688	0,619	0,703	0,611	0,594
1983–1987	1,366	1,377	1,377	1,362	1,372	1,377
1988–1992	1,751*	1,801*	1,750*	1,744*	1,737*	1,773*
1993–1997	1,347	1,456	1,554	1,424	1,572	1,641
Родилась в городе	1,054	1,034	1,153	1,048	1,138	1,119
Имеет высшее или неоконченное высшее образование	0,377***	0,370***	0,356***	0,375***	0,353***	0,348***
Работает на момент опроса	0,804	0,798	0,821	0,808	0,820	0,815
Не живет в данном населенном пункте с рождения		1,290				1,219
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться			0,484***		0,483***	0,486***
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки			0,781		0,784	0,815
Совершает положенную для мусульман пятикратную ежедневную молитву				1,597	1,559	1,642
Константа	1,288	1,290	1,884	0,826	1,255	0,911
N	587	587	575	586	575	575
-2Log правдоподобия	766,389	764,316	731,221	764,711	730,794	729,423

* p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,001.

Таблица П1.5. Логистические регрессии для вступления в первый брак к 26 годам

Параметры	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Год рождения						
1973–1977	1	1	1	1	1	1
1978–1982	1,044	0,992	0,985	1,029	0,973	0,935
1983–1987	2,213***	2,232***	2,350***	2,206***	2,346***	2,361***
1988–1992	2,083**	2,168**	2,213**	2,073**	2,201**	2,271**
1993–1997	4,318*	4,812*	3,700	4,255*	3,657	3,984
Родилась в городе	1,029	0,998	1,111	1,022	1,104	1,077
Имеет высшее или неоконченное высшее образование	0,392***	0,377***	0,372***	0,388***	0,370***	0,358***
Работает на момент опроса	0,775	0,767	0,791	0,774	0,790	0,785
Не живет в данном населенном пункте с рождения		1,464*				1,359
Требуется одобрение старших родственников, чтобы начать работать на новом месте или уволиться			0,700		0,703	0,706
Требуется одобрение старших родственников для совершения крупной покупки			0,505***		0,506***	0,514***
Совершает положенную для мусульман пятикратную ежедневную молитву				1,636	1,464	1,458
Константа	1,813	1,096	2,798	1,146	1,958	1,296
N	502	502	494	502	494	494
-2Log правдоподобия	630,021	626,227	602,366	629,436	602,025	599,705

* p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,001.